

ОТЗЫВЫ

«Дорогой читатель! Не нужно долго думать. Просто открой эту книгу на рассказах «Мишура из фантиков и оберток», «Руководство к действию», «I love you», — не обязательно читать все из них, можно хотя бы один. Если рассказ понравился, понравится и вся книга. Нет? Значит, не судьба. Прекрасный сборник предельно честных историй».

*Алексей Сальников,
писатель*

«Люди — странные существа. Мы настолько свыклись с этим, что перестали замечать. Книга Марты Антоничевой — не только предупреждение о том, насколько болезненно и абсурдно обыденное существование,

но и напоминание, что за всеми нашими причудами скрывается ищущая выход наружу, к свету, человечность».

*Сергей Морозов,
литературный критик*

«Книга Марты Антоничевой — это интереснейший гибрид шершавого, бытового реализма, посвященного в мелкие затруднения и привычки обычного современного человека, и фантастики, подкручивающей этот невзрачный быт до экзистенциальной метафоры».

*Валерия Пустовая,
литературный критик*

«В рассказах Марты Антоничевой от необычного до жуткого — один шаг. Это шаг из зоны комфорта в область странного и заставляющего тревожно задуматься — и, может, понять очень важное».

*Шамиль Игнатуллин,
писатель*

ИНОПЛАНЕТЯНКА

Они снова поругались, на этот раз после выхода из кино. Алисе фильм не понравился, а Никита, наоборот, как будто нашел там давнее подтверждение своих мыслей. В нем инопланетянка перевоплощалась в женщину и околдовывала мужчин, гипнотизировала, и те теряли остатки воли. После высасывала все соки, оставляя лишь полупрозрачную оболочку.

— Как это на тебя похоже, — шепнул во время просмотра Никита и кинул в Алису попкорном. Попал прямо в глаз, больно.

В финале инопланетянка превратилась в женщину, то есть дала-таки слабинку, и это стоило ей жизни.

Алиса весь фильм зевала и оживилась, только когда зажегся свет. Никита же словно врос

в кресло и долго сидел с отрешенным видом при свете перед титрами, бегущими вверх по широкому экрану.

Когда пришли домой, он спешно собрал вещи и ушел.

— Ты даже не догадываешься, насколько точно выбрала фильм.

— О боже, — проворчала Алиса и закрыла дверь. Пусть катится к чертям. В конце концов, они виделись от силы полтора часа в день, между работой и сном, и чаще всего либо молчали, либо ругались. Надоело.

Чтобы немного выпустить пар и окончательно избавиться от малейшего намека на присутствие другого человека в доме, Алиса затеяла уборку. Результат порадовал: без Никиты квартира выглядела гораздо аккуратнее.

На кухонном столе не валялись грязные салфетки, ложки, черновики и блокноты, в которых он постоянно рисовал наброски работ, а после разыскивал по всем углам.

В туалете никто не оставлял задранными сиденье, в спальне вещи лежали на своих полках, а не на полу, как обычно, или не комом в шкафу. Постель была заправлена так, слов-

но никто никогда не валялся на ней, раскидывая чипсы.

Квартира выглядела идеально, как нежилая.

Несколько дней Алиса приходила в себя, возвращаясь в привычное состояние одиночества, когда не нужно торопиться домой, можно спокойно идти с работы пешком, осматривая окрестности.

Как-то вечером она заметила стопку книг, сложенную аккуратно, как по кирпичику, рядом с мусорными баками у дома. Это был не привычный макулатурный хлам, вроде многотомников Дюма на желтой бумаге или нескольких частей «Анжелики» вперемешку с рваными книгами о ВОВ.

Среди множества изданий классики для школьников и разрозненных томов Достоевского Алиса нашла пару альбомов по искусству, а также несколько редких изданий. Оставить их на улице она не могла.

Дома Алиса протерла твердые переплеты тряпочкой, прежде чем поставить книги на полку. Начала задумчиво листать свои находки. Из одной книги выпал конверт. Незапечатанный. Внутри лежало несколько писем, од-

но было разорвано на части. Алиса прочитала их по порядку несколько раз.

Первое письмо было написано ровным, округлым почерком, в конце стояла красивая подпись, напоминавшая старинный вензель.

«Милая, дорогая, недостижимая Людмила!

Я люблю в последнее время закрывать глаза и мечтать. Так, словно по мановению волшебной палочки можно сразу погрузиться в воспоминания, представить нашу последнюю встречу. Вернуть ее и проиграть снова и снова.

Жизнь без Вас кажется тоской, которой нет оправдания. Да и все, что есть в ней, интересно мне только в связи с Вами, остальное кажется ничтожным и ненужным.

Как я устал таиться и прятаться ото всех под личиной жесткого и даже злого человека. Я ведь не такой, Вы знаете это, только Вы... Как я хочу снова побыть рядом с Вами, подле Вас, хотя бы минуту!

Каждый час без Вас подобен смерти. Кажется, я оживаю, только когда слышу Ваш голос, вижу Вас или могу представить Вас в сво-

ем воображении. В остальное время я словно в дурном сне, и жизни без Вас нет.

Когда имею счастье увидеть Вас снова? Когда Вы соблаговолите раскрыть передо мной свои объятия? Впустить меня к себе, чтобы я мог раствориться без остатка, исчезнуть, пропасть?

Расстались всего час назад, но я хочу снова вернуться к Вам, оказаться в этом потоке сияющего света, что исходит от Ваших волос... Ах, Люда, что же Вы со мной делаете!

Ваш преданный Виктор».

Во втором письме буквы были более угловатыми, казались составленными из ломаных палок. Ближе к правому краю строки постоянно норовили взлететь вверх, закругляя каждое предложение в невольный вопрос.

«Люда, прошу тебя, прочти письмо до конца.

Снова я сижу в одиночестве, а тебя все нет и нет. Что изменилось? Только голова болит сильнее с каждым днем.

Ты во всем права. Знаю, ты хочешь как лучше, но я так не смогу. Стоило прикоснуться

к тебе однажды, как я перестал думать о ком-то другом. Больше никого не вижу.

Ты — мой маячок, который вот-вот погаснет, и я останусь один в темноте. Ведь жутко так, Люда.

Я смогу прожить и дальше, и ничего с собой не сделаю, не хватит сил. Но чего стоит такая жизнь, ведь весь ее смысл — воспоминание о времени, проведенном с тобой. Получится растянуть его до конца своих дней?

Что мне делать, когда встречу тебя на улице и не смогу приблизиться, хотя бы посмотреть прямо в глаза? Пройти мимо?

Люда, пожалуйста, не разменивай меня на прости-прощай. Что произошло, скажи мне, скажи! Ты ни слова не написала мне.

Завтра не приду. Но жду тебя каждый четверг в наше время в 17-м номере «Спутника».

В.».

Третье письмо было разорвано, Алиса разобрала только отдельные фразы: «я один», «ты не пришла», «все кончится», «не получается, как все», «я больше не стану».

Она покрутила конверт. Вместо обратного адреса был указан абонентский ящик. Кон-

верт и письма сильно пожелтели — непонятно, то ли от лет, то ли от долгих часов на солнце. Она положила их на стол, спешно оделась и вернулась к мусорным бакам. Там ковырялись бомжи, занырявая все глубже, словно ловцы жемчуга.

Книг осталось меньше, но несколько еще лежало на земле. Алиса перелистала страницы каждой. Бомжи с интересом и пониманием посматривали на симпатичную девушку, как на новенькую в команде.

— Че, заначку посеяла? — участливо спросил один, с опухшим лицом в шишках и бурых пятнах.

Алиса была слишком сосредоточена на поиске и не услышала вопроса. Бомж подошел, с силой оттолкнул девушку и принялся перелистывать страницы оставшихся книг.

— Васильич, че за дела? — другой заинтересовался возней и отошел от баков.

— Да заначку вон посеяла. Мошт, мне свезет.

Алиса наконец расслышала слова мужчин. Она словно вынырнула откуда-то с глубины на поверхность, оглядела себя, отряхнулась и пошла домой. Бомжи, посмеиваясь, продолжали копошиться возле книг.

Алиса заварила кофе, выпила несколько чашек. Чтобы отвлечься, зашла в фейсбук, зачем-то почитала последние статусы Никиты. После расставания он пустился во все тяжкие, как будто старался наверстать упущенное, и едва ли не каждый день зависал на новой вечеринке. Фотографий на странице прибавилось много. Выглядел он не очень.

Алиса немного отстраненно наблюдала за его приключениями, словно в полглаза смотрела не очень интересный фильм в надежде на непредсказуемый финал.

Письма лежали рядом с ноутбуком. Она попыталась представить Виктора — и не могла. Никита никогда не писал ей не то что писем — даже смс. Только «потом поговорим», «перезвони мне позже». Но всегда выслушивал. По крайней мере, поначалу.

На следующий день Алиса отпросилась с работы, села в автобус и поехала в гостиницу «Спутник». В городе была только одна с таким названием, она заранее проверила в гугл-картах. Ехать пришлось долго, а после почти столько же идти через частный сектор, оплетенный бельевыми веревками, залитый лужа-

ми мочи на выездах из двора, заросший палисадниками и пропахший насквозь рыбным супом и луковой поджаркой.

«Спутник» оказался шестиэтажным домом, сильно пострадавшим от перепадов температур и времени: кипельно-белые пластиковые окна словно с силой вдавили в потрескавшиеся серые проемы.

Хозяйка с железным утюгом в руках не торопясь вышла навстречу откуда-то из глубины необъятной комнаты, служившей одновременно приемной и кухней.

— Мне бы номер снять, — замялась Алиса.

— Свободны только двухместные, — произнесла хозяйка, окая и растягивая слоги. На ее бейджике было написано: «Она», и пока до Алисы дошло, что это имя, женщина, не дожидаясь ответа, вернулась к столу с кучей белья и продолжила глажку.

В продавленном кресле у стола сидел мужчина средних лет в шортах и без футболки. Грудь его была больше, чем у Алисы, но он совершенно этого не стеснялся.

Мужчина завтракал, положив ногу на ногу: одна была чем-то вроде столика, на котором лежал бутерброд с маслом, вторая — упором.